

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811.161.1'373 ББК Ш141.2-72

М.Э. Рут

Екатеринбург, Россия

О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И МАТЕ¹

Аннотация: Статья посвящена вопросам неконтролируемого расширения употребления обсценной лексики в современном русском языке. Автор размышляет о причинах изменения языкового вкуса и выражает озабоченность проникновением мата в литературную речь.

Ключевые слова: эвфемизация, литературный язык, языковая ситуация, общенародный язык, обсценная лексика, матизмы.

M.E. Ruth

Yekaterinburg, Russia

ABOUT GREAT RUSSIAN LANGUAGE AND FOUR-LETTER WORDS

Abstract: The article is dedicated to the questions of an uncontrollable expansion of the obscene lexicon in modern Russian. The author reflects on the reasons of a language taste change and expresses concern about the penetration of four-letter words into literary speech.

Keywords: euphemisation, literary language, language situation, public language, obscene lexicon, foul word.

В день рождения А.С. Пушкина, объявленный праздником русского языка, на филологический факультет УрФУ буквально набросились журналисты с просьбой об интервью. Их не интересовал ни великий поэт, ни русский литературный язык, им созданный. Филологов просили «ради праздника» рассказать что-нибудь о сленге. Факт этот кажется показательным: почему-то русский язык журналистам представляется прежде всего связанным с его нелитературными формами. Споры нет, о сленге тоже нужно говорить, но разве в нем величие русского языка? Совсем наоборот: бедность словаря, унылая эксплуатация одних и тех языковых средств, скудная тематика – все это отнюдь не обогащает русский язык, хотя очень часто именно способность украсить нашу речь видят в сленге. Почему-то многим кажется, что выразительнее сказать *клёвый* вместо *хороший* (*удачный, прекрасный, замечательный, чудесный*), *оттянуться* вместо *отдохнуть* (*отвлечься, расслабиться, насладиться*)... Думается, Пушкину со сленгом скучно бы стало...

Но сленг – это еще полбеда. Модно стало видеть особую выразительность в русском мате. Тема отношения к нецензурной брани тоже весьма популярна в самых различных социальных средах: о мате готовы писать ученые, публицисты, о мате кажется интересным устраивать дебаты в школах и университетах и т.п. Даже термин появился – матизм!² Мат все активнее становится фактом нашей языковой культуры (если после этого можно говорить о такой) и нашей речи – по крайней мере, уже никого не удивляет мат в стенах университетов, в разговоре

юноши и девушки в трамвае, в болтовне ребяташек на детской площадке). Автор этих строк, выросшая отнюдь не в рафинированной интеллигентской среде, могла на собственном опыте наблюдать, как проникает мат в быденную речь деревенского и поселкового социума: скажем, тридцать лет назад ни один старожил деревни не позволял себе матерного слова в беседе с незнакомым человеком и даже просто в его присутствии, сейчас же положение резко изменилось. В 1966 году, готовясь выехать на фольклорную практику в рабочий поселок Нижняя Салда, мы, студентки-первокурсницы, с опаской представляли себе, каково это – собирать фольклор в уральской глубинке: «Девочки, там, наверное, в наших записях одни купюры будут!». Страхи не оправдались – ни бабушки, певшие нам свадебные песни своей юности, ни разбитные бабенки, прямо на наших глазах на ходу сочинявшие частушки, ни только что вышедший из запоя старичок-сказочник (мы долго ждали, когда запой у него пройдет – слишком соблазнительно было записать его сказки, которыми он, по рассказам знакомых, развлекал всю артель на покосе каждую ночь) – никто не заставил нас в смущении опустить блокнот, потому что каждый из наших информантов не представлял себе, что можно материться в присутствии городских молоденьких девушек. Я не говорю уже о том, что никогда не слышала матизмов ни от подруг, ни от молодых людей с нашего факультета, а какого-нибудь пьянького гражданина, начавшего материться в трамвае, тут же останавливали, и, как правило, он замолкал. Тем более трудно было себе представить, чтобы мат зазвучал из уст официального лица: кондуктора, продавца, кассира, проводника. Впервые мне довелось услышать такое только в 1990 году – в Москве! (на Урале до этого не приходилось). Сейчас на «непарламентские выражения» должностные ли-

¹ Дополненная статья Рут М.Э. Мат в легендах нашего времени // Изв. Урал. ун-та. – 2005. – № 34. – С. 149-155. (Серия «Проблемы образования, науки и культуры». – Вып. 17.)

² См., например: Мокшенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). – СПб., 2003.

ца переходят очень легко – правда, им тут же отвечают аналогичным образом, совсем не удивляясь и не возмущаясь.

Сейчас остается только морщиться, когда слышишь, как молодая мамаша «нежно» характеризует своего упавшего малыша словом, которое не только неуместно с позиций прежней речевой культуры, но и чисто логически никак не может быть отнесено к почти младенцу, даже если это дитя женского пола; когда в маршрутном такси некто вполне приличного вида, говоря по сотовому телефону, весьма громко гласно предлагает собеседнику идти по известному адресу, раз уж тот не может обеспечить ожидаемые производственные успехи в фирме; когда милая девочка с гуманитарного факультета радостно сообщает подружкам, что зачет-таки сдала, хотя не знала... – словом, совсем ничего не знала. Нет смысла доказывать, что так говорить нехорошо, потому что мат защищен многочисленными прецедентами своего употребления в широких общественных кругах (чего стоят, например, телевизионные программы, где разворачивание сюжета сопровождается «запикиванием» нецензурной брани, которая глушится для телезрителей, но, предполагается, звучит в студии), потому что выходят словари, где на обложке сакраментальное слово из трех букв набрано золотом³, – и твои увещевания все равно останутся твоим личным мнением, прислушиваться к которому никто не обязан.

В чем причина столь победного шествия мата через социумы? Что привлекает ему не только молодежь, но и утонченную интеллигентскую элиту? Существует ряд легенд, как бы узаконивающих матоупотребление в широких слоях населения.

Первая легенда: мат был запрещен в советское время, теперь, наконец, можно говорить свободно. Эта легенда помещает борьбу за «разрешение» мата в контекст борьбы за свободу слова и печати, снятие железного занавеса, гласность. Ср.:

...Мы пили водочку и сжигали наш словарь. Первый наиболее полный словарь русского мата. Сожгли один экземпляр. Сожгли другой. Да придумались... Решили: по одному экземпляру хранить у себя, а пятый, оставшийся – подарить на юбилей нашему другу, поэтому и балагуру, человеку надежному.

Может быть, сейчас наше действие покажется странным, непонятным. Шел 1973 год! Если бы в то время узнали о нашем словаре в компетентных органах и на службе, за милую душу вышвырнули бы с работы, а может, и похлеще что-нибудь придумали. Конечно, это были не сталинские времена, но и тогда, в 60–70-е, мы успели почувствовать на собственной шкуре когти властей, когда за вольнодумство, нестандартность творчества был разогнан городской литературный клуб, или когда одного из нас едва не исключили из аспирантуры только за то, что он прочел по телевидению стихотворение, посвященное французскому («буржуазному») художнику Анри Матиссу, не согласовав свое выступление с парткомом института.

Ну, а тут, представляете, толковый словарь мата, а в авторах-составителях – молодые ученые, педагоги. Ату их!

И вот – костер в эмалированном тазу. Спасая себя, мы спасали тогда и сам словарь⁴.

Прошу прощения за столь обширную цитату, но очень уж показательна в ней представлены приемы романтизации борьбы за право на мат: включение ее в контекст диссидентских ценностей – кухонные беседы «под водочку», огонь – пусть даже и в эмалированном тазу, – который пощадил по воле авторов их детище (о, «рукописи не горят!»), вольнодумство и литературный клуб, стихи и Матисс (там мат, очевидно, тоже пригодился), «чуть не» исключение из аспирантуры, словарь, написанный «в стол»... После этого как не задуматься о высоком предназначении лексической нецензурщины в борьбе против любой цензуры!

Конечно, этот миф не выдерживает самой элементарной критики: борьба с матом началась отнюдь не при советской власти, и это легко опровергается и русской нормативной лексикографией, и нашей классической литературой, свободной от мата. Поддержанием полуторавековой традиции, а не советским произволом объясняется отношение к мату в начале и середине XX века.

Правда, у ревнителей мата наготове сразу уже другая легенда: мат был всегда, и Пушкин его употреблял, и Толстой, и Достоевский, ср.: «Настоящей сенсацией стали постперестроечные публикации русской классики. Широкая читательская масса с изумлением узнала, что Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов пользовались матом, кто в стихах, кто в частных письмах»⁵. Это распространенное положение, правда, и легендой-то не назовешь: почему взрослых людей должно удивлять, что носителю русского языка известен этот языковой пласт. «Изумляться» такому может не «широкая читательская масса», а разве что ребенок, которого по неопытности потрясает, что великие мира сего тоже едят, пьют, спят и так далее. Нет сомнений, что все русские люди владеют матом, естественно, что в своих письмах и художественных произведениях, не для «широкой читательской массы» предназначенных, наши поэты и писатели могли себе позволить ненормативную лексику (что находило отражение в академических изданиях), но здесь как нельзя уместнее кажется перефразировка слов Р. Гамзатова о пьянстве: материться...

...можно всем.

Необходимо только
знать: где, когда и с кем,
за что и сколько.

А ссылки на Пушкина и Лермонтова напоминают плаксивое ребячье: «Да, Колька вон матерится, а мне почему нельзя?».

Легенда третья. Мат – часть русской культуры, он пропадает, исчезает, надо его собрать, сохранить,

³ См.: *Плущер-Сарно А.* Большой словарь мата. Т. 1. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. К счастью, название тома, представленное на обложке, не отражено в библиографической справке.

⁴ *Блинов В., Шевелев Ф.* Русский народный мат: Толковый словарь. – Екатеринбург, 2002. С. 5.

⁵ *Ерофеев В.* Царство мата // Московские новости. 23-24 июля 2004 г. С. 16.

защитить. «Мы присутствуем при последних судорогах русского мата?»⁶ Полноте! Языковой факт не исчезает и не возникает по велению свыше. Нет смысла спорить с тем, что мат существует. Можно о нем говорить с возмущением или с восхищением – он останется, покуда его существование отвечает законам языка. И хотя роль мата во времени меняется, место для него в языковой системе существует. В праславянскую эпоху мат, как и брань в более широком понимании существовали в качестве сильнейшего магического средства: матерные заклятия были атрибутом многих обрядов (например, земледельческих, свадебного, святочных и т.п.), применялись как охранные слова при родах⁷. Христианство вступило в борьбу с языческими обрядами и в том числе с матерными словами, оставив их лишь как последнее, крайнее средство инвективы против врагов истинной веры. С принятия христианства на Руси матерные слова становятся запретными, недопустимыми в обычной речи. Ср. определения в словаре В.И. Даля, автора первого словаря *живого* великорусского языка: **Матерный**, похабный, непристойно мерзкий, о брани; **Матерность, матерщина**, непристойность, мерзкая брань; **Матерник**, похабник, непристойный ругатель⁸; **Сквернословить**, вести непристойные, заторные, постыдные речи; срамно, похабно ругаться; **Сквернословие**, срамное слово⁹. Интересно наблюдение В.И. Даля, согласно которому «акающие русаки (ряз., тул., орл., кур., тамб. и пр.) первые сквернословы; в окающем говоре (сев., вост.) такого сквернословия не услышишь»¹⁰ – ведь северно-русские территории более устойчиво сохраняют традиционный русский уклад и традиционную русскую культуру. Хочется также обратить внимание на то, что слово *скверный* происходит от *скверна*, которая в словаре В.И. Даля толкуется в том числе и как «все богопротивное». Другими словами, матерщина богопротивна, мерзка и непристойна – так считает В.И. Даль и так, очевидно, считал и русский народ, зеркалом языка которого традиционно признается далевский словарь.

Тем не менее на протяжении долгих лет существования русский язык и русский народ о мате не забыли. Растеряв свою магическую силу, но до сих пор обладая очень сильной негативной выразительностью, мат оказывается уместным и даже необходимым в ситуациях стрессовых. Не случайно многие оправдывают разгул мата в нашей речи утверждением: «У нас сейчас время такое, что нельзя не материться». Не случайно многие, начиная с М. Горького, связывают особое распространение матерщины в речи с веками татаро-монгольского ига. Однако частое употребление матерщины снимает ее «антистрессовую» силу: став привычным, матерное слово лишается яркой экспрессивной окраски и превращается в слово-паразит.

Другое дело, что мат никуда не исчез и пока не просто не исчезает, но распространяется в полную меру. Поэтому вряд ли стоит говорить о словарях мата на той высокой возвышенной ноте, на которой говорят о своих трудах деятели обценной лексикографии: скажем, включение в третье издание далевского словаря, предпринятое И.А. Бодуэном де Куртене, некоторых матизмов, отсутствовавших в прижизненных изданиях, объявляется его «научным подвигом»¹¹, а факт отсутствия в вышедшем огромным тиражом русском переводе «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера наиболее «крепких» обценных слов (спасибо Б.А. Ларину!) расценивается как «трагичная судьба обценной этимологии»¹² и т.п. Характерно, что авторов и апологетов обценных словарей нисколько не волнует судьба русской диалектной лексики, которая действительно исчезает, унося за собой многие страницы русской традиционной культуры, – они, кажется, диалектные словари читают только для того, чтобы найти в них обценные слова, при этом сетуя на то, что записанные народом и у народа эти словечки имеют несколько иное значение, чем это им, знатокам русского мата, представляется¹³.

Думается, что нет смысла развивать работу по «спасению» русского мата», которая сейчас только в еще большей степени оправдывает засоренность обценной лексикой современный русский язык.

Легенда очередная видит в мате необъятные языковые богатства. Принято восхищаться многозначностью матерных выражений и слов, их способностью обозначить практически любое явление, ср., например: «Еще Достоевский писал, что русский человек может выразить всю гамму своих чувств при помощи одного неприличного слова»¹⁴. Учитывая обращение к столь авторитетному первоисточнику, позволим себе обширную цитату из Ф.М. Достоевского:

«Гуляки из рабочего люда ... ходят по праздникам пьяные, иногда толпами, давят и натываются на людей – не от буянства, а так, потому что пьяному нельзя не натекаться и не давить; сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят, – не от нахальства, а так, потому что пьяному и нельзя иметь другой язык, кроме сквернословного. Именно это язык, целый язык, и я в этом убедился недавно, язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию, так что он совершенно не мог не явиться, и если бы его совсем не было – il faudrait l'inventer. Я вовсе не шутя говорю. Рассудите. Известно, что в хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного, или у

¹¹ См.: Дуличенко А.Д. Язык и тело: К познанию потаенного // Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. Т. 1. С. 37.

¹² Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. Т. 1. С. 73. Надо отметить (и, судя по дальнейшим высказываниям автора, это известно и ему), что ничего «трагичного» в этой судьбе нет, поскольку в немецком издании все фасмеровские обценные этимологии представлены, к тому же в «Этимологическом словаре славянских языков», издаваемом РАН, они тоже присутствуют.

¹³ См.: Там же. С. 72.

¹⁴ Ерофеев В. Царство мата.

⁶ Ерофеев В. Царство мата. С. 16.

⁷ См. об этом: Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – М., 1995. Т. 1. С. 250-252.

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.; СПб., 1881. Т. 2. С. 308.

⁹ Там же. Т. 4. С. 195.

¹⁰ Там же.

всякого не как стелька пьяного человека, почти удерживается. И потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворить этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси. Это просто-запросто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого»¹⁵. Приведенная цитата позволяет несколько поправить утверждение В. Ерофеева: не «русский человек», а пьяный человек только и может, что сквернословить и с помощью единственного слова выразить все свои чувства. В последующем описании разыгравшейся перед писателем жанровой сценки Достоевский, виртуозно избегая цитат из этого «однословного языка», демонстрирует свой вариант прочтения «оживленной» беседы между четырьмя пьяницами. Думается, современный читатель без труда представит себе вполне адекватный вариант такой беседы – правда, не обладая талантом Достоевского, можно и не угадать за сей лексической монотонностью того богатства чувств, которое усмотрел гений (а, может, просто сам придумал – как-никак, мастер слова). К тому же при всем высказанном восхищении и Достоевский, судя по его же словам, не выдерживает: «Помилуйте! – закричал я им вдруг, ни с того ни с сего (я был в самой середине толпы). – Всего только десять шагов прошли, а шесть раз (имя рек) повторили! Ведь это срамеж! Ну, не стыдно ли вам?»¹⁶. И разве не прав Федор Михайлович? Разве не «срамеж», что, «несмотря на целые толпы детей и женщин» можно упражняться в применении одного и того же «похабного» и «мерзкие непристойного» слова для выражения тех нескольких эмоций, которые доступны пьяному человеку. Стоит ли этим восхищаться?! И так ли уж восхищается этим Достоевский?

Тот ореол исключительной выразительности, которым сейчас окружают бытующий в нашей речи в изобилии мат, не соответствует положению вещей. Унылое повторение одного и того же слова в качестве вводного, бессменное выражение, используемое в качестве оценки любой ситуации, лишь обедняют наши мысли и наши эмоции. Кроме того, исходная циничная семантика матерных слов срывает покров с тех отношений, которые не нуждаются не только в подобном срывании, но и в огласке вообще. Современное стремление доказать, что у нас есть секс, причудливым и далеко не безопасным образом объединилось со стремлением продемонстрировать, что мат у нас тоже есть, хотя оба эти факта не нуждаются (и не нуждались!) в особом подтверждении: и секс всегда был, только считалось, что это не публичное действие, как сейчас, и матерщина существовала, хотя и считалось, что это срамные слова, которыми неприлично выражаться при женщинах и детях.

Гораздо интереснее и богаче явление, связанное с отказом от употребления матерных выраже-

ний – это эвфемизмы, созданные на базе мата, демонстрирующие разнообразие языковых средств и великолепные навыки языковой игры. Именно на языковой игре основаны и знаменитые «матерные загибы», в которых важным было не количество употребленных матизмов, а виртуозное вплетение их в гибкую многословную фразу, которую еще и выпалить нужно было на одном дыхании. Ни один из современных носителей мата на это, увы, не способен – бедна у него слова мастерская.

Очень устойчиво представление о том, что мат «нам строить и жить помогает». «С матом советские солдаты шли в атаку против нацистов (и без мата тоже шли. – *М.Р.*), а советские хоккеисты побеждали канадских»¹⁷ (что-то нашим футболистам мат не помогает; может, им в тренеры кого-нибудь из авторов обценных словарей назначить, и все будет в порядке?). В.А. Блинов и Ф.А. Шевелев в предисловии к своему словарю повествуют о заслуженном строителе, с матом требующем у работницы при растворомешалке раствору: «Конечно, можно было бы заслуженному строителю побережечь слух и вкус обывателя и сказать примерно так: “Шурочка, организуй, пожалуйста, подачу раствора!”. Ухмыльнулась бы Шурапа, послала подальше Буравлева и продолжила бы тары-бары со своими товарками. И заметьте, идущие внизу горожане не обижаются на эти матерные вопли: дело мастер делает, дом строит!»¹⁸ (непонятно, как «идущие внизу горожане» догадывались, что мастер там дом строит, а не просто куражится по пьянке, и что помешало Шурапе «послать» мастера и в ответ на его «матерные вопли» – может, тут дело все-таки в уважении к действительно заслуженному строителю, которое помогало простить ему хамское поведение по отношению к женщине; да и дисциплина несколько странная на участке у заслуженного строителя – все-таки там «дом строят» или «тары-бары» ведут?).

Впрочем, как уже отмечалось, мат, как и любое экспрессивное слово, может вывести человека из стрессовой ситуации. Трудно требовать от людей, находящихся в таковой, соблюдения общепринятых норм речевой культуры. Так (извините за параллель), общепринятые правила требуют от человека контроля за своими естественными отправлениями, и человек, будучи в здравии и сознании, эти правила соблюдает. Однако всякие бывают ситуации... Слава Богу, пока никто не догадался эти ситуации запечатлеть, собирать в фотоальбомы, издавать их с должной помпой, чтобы люди не забыли ненароком, как это получается, или, не дай Бог, никто не подумал, что народ у нас без определенных процессов в организме прожить может.

Внимание к мату уже дает свои плоды. Уже приходят на сайт Gramota.ru письма-запросы любознательных девочек о том, как правильно употреблять и писать матерные слова (цитировать, простить, не хочется). И ведущие сайта подробно и обстоятельно, не стесняясь в цитации, объясняют им, как

¹⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Ерофеев В. Царство мата.

¹⁸ Блинов В., Шевелев Ф. Русский народный мат: Толковый словарь. С. 10.

определить спряжение у матерного глагола, попутно чуть ли не извиняясь, что в нормативных словарях таких глаголов нет, и приводят ссылки на словари, где такие слова отражены (развивайся, девочка!), и приводят дополнительные примеры, чтобы ребенку понятно было и запас его словарный обогащался. Может, правда, это просто провокация со стороны задающего вопрос? Если даже так, как легко на эту провокацию поддаются интернетные охранители нашей языковой грамотности! И мат из «непечатного» становится легально письменным, практически литературным.

Совсем недавно в телевизионном интервью меня спросили (явно желая поймать на слове), что я выкрикиваю, если мне вдруг на ногу падает, например, молоток или кастрюля с кипятком. И в глазах ведущего, очень милого и интеллигентного молодого человека, появилось явное удивление и недоверие, когда я ответила, что обожусь без матерных слов в таких случаях. Ну, почему он ожидал, что даже пожилая почтенная дама, филолог по профессии без мата прожить не может?!

Наш язык богат, разнообразен и могуч в выражении богатства, разнообразия и могущества продуктов нашего мышления. Стоит ли идти по линии наименьшего сопротивления и отказываться от изощренности словесного воплощения мысли во имя матерного однообразия? Стоит ли вводить похабное

слово в семейный, дружеский, интимный речевой обиход? Стоит ли, снисходительно или даже восхищенно улыбаясь, принимать матерное словцо за «коммуникативную удачу», даже если коммуникация действительно состоялась? Многие интеллигентные люди нашего времени охотно отвечают на эти вопросы положительно. Что ж, господа и особенно дамы! Вольному воля. Только не станет ли матерщина ядерной сокрушительной бомбой для нашей языковой и духовной культуры, стерев своим циничным могуществом мощь чистого русского слова?

ЛИТЕРАТУРА

- Блинов В., Швелев Ф.* Русский народный мат: Толковый словарь. – Екатеринбург, 2002.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.; СПб., 1881. Т. 2.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21.
- Дуличенко А.Д.* Язык и тело: К познанию потаенного / Плуцер-Сарно А. Большой словарь мата. Т. 1.
- Ерофеев В.* Царство мата // Московские новости. 23-24 июля 2004 г.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). – СПб., 2003.
- Плуцер-Сарно А.* Большой словарь мата. Т. 1. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – М., 1995. Т. 1.*

Данные об авторе:

Мария Эдуардовна Рут – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета.

Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

E-mail: moerut@yandex.ru

About the author:

Maria Eduardovna Rut is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of History of the Russian Language and General Linguistics Ural Federal University (Yekaterinburg).